

Культура компромисса: под чертой

DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_243

Мы признательны редакции журнала «Новое литературное обозрение» за решение опубликовать нашу «неформатную», очень большую по объему статью и организовать вокруг нее форум. Мы очень благодарны и коллегам, которые своими доброжелательными и поддерживающими отзывами дали дополнительные материалы и стимулы для размышлений о том, как наш исследовательский проект и работа по изучению позднесоветской культурной истории могут быть продолжены после 24 февраля 2022 года. Предлагаемая заметка, как мы надеемся, содержит первые подступы к ответу на этот вопрос.

Евгений Добренко предполагает, что в нашей жизни «по мере усиления разного рода репрессивных и цензурных практик, находящихся в серой зоне легальности», может снова наступить расцвет бэкстейджей и других подобных форм «теневых», «кулуарных» способов лоббирования групповых интересов. Нам представляется, что такая «культура компромисса» действительно была заново выстроена в России 2000—2010-х годов. Ее наиболее явным, эмблематическим выражением стала деятельность той части политических и культурных элит, которую журналисты называли «системными либералами». Однако (и мы уже писали об этом) начиная с 2017 года фигура «либерала, ищущего компромиссы и устраивающего и власти, и интеллигенцию» стала стремительно терять социальный, политический и культурный смысл; одним из знаков перелома ситуации стало дело режиссера Кирилла Серебренникова (подробнее см.: [Кукулин 2017]). После 24 февраля сами основания для деятельности такого рода «промежуточных» фигур исчезли. Поэтому в нашей статье мы все-таки рассматриваем не просто уходящую, но окончательно ушедшую натуру. Если что-то из ситуации 1970-х и сохраняет релевантность при разговоре о современной России, то это наследие глубокого коллективного цинизма, разъедавшего тогдашнее общество. Тем не менее, как показывают рассказы наших информантов, в бэкстейджах участвовали люди самого разного типа, от прожженных циников до последовательных идеалистов. Эти последние стремились с помощью «закулисных» коммуникаций бескорыстно помочь развитию словесности, — насколько, по их представлениям, это было возможно в тех обстоятельствах.

Включение в «игру по правилам» для писателя в СССР предполагало согласие на самоцензуру, участие в кулуарных переговорах и, что важно, *возможность локальных побед*: пробивание «неудобной» статьи или нескольких абзацев в книге, упоминание полугабурированного имени. Это относилось не только к писателям, но и к ученым и ко многим деятелям интеллектуального труда в СССР. Надежда на локальные победы придавала смысл их работе, а сами эти победы и борьба за них способствовала скрытой эволюции позднесоветских институций¹. В открытых обществах такая эволюция

---

1 О психологии этих локальных побед писал А.Л. Зорин: [Зорин 1998].

происходит благодаря публичным дискуссиям и социальным и техническим инновациям. В СССР же развитие институций напоминало движение паровоза, у которого большие колеса (инновации) заржавели и не вертятся, а маленькие колесики («кулуарные коммуникации») бешено вращаются и потихоньку тащат паровоз вперед — впрочем, с каждым годом все медленнее и медленнее.

Мы согласны с Евгением Добренко в том, что изучение бэкстейджей позволяет многое понять в бесконечной советской борьбе с «групповщиной». Е. Добренко пишет о том, что маниакальный поиск фракционных групп был перенесен в литературу из политики, точнее, из ленинских и сталинских методов борьбы с «уклонами» в партии. Эта практика продолжалась и после смерти Сталина: Хрущев нападал и на «антипартийную» группу своих противников, и на не устраивающие его печатные издания (например, альманах «Литературная Москва»), утверждая, что их авторы, даже если они на самом деле никак не были связаны друг с другом, тоже составляют «группу» [Майофис 2016]. Тем не менее *только* влиянием политики на литературу этот сюжет, видимо, не исчерпывается. Руководство новосозданного Союза писателей в сотрудничестве с НКВД боролось в 1930-е годы с сообществами, в которых участвовали бывшие члены разгромленных литературных групп — от РАППа до конструкторивистов (см., например: [Спецсправка 1992]). Аналогичные процессы, насколько можно судить, шли и в других сферах советского искусства². Иначе говоря, централизация художественной и политической жизни приводила к спонтанному процессу складывания полуподпольных лоббистских групп. Насколько мы можем судить о позднесоветской литературной жизни, сообщества писателей, которых обвиняли или могли бы обвинить в «групповщине», в большинстве случаев не совпадали с кругами авторов конкретных изданий (за исключением разве что журналов типа «Нашего современника» — не просто идеологизированных, но служивших своего рода инструментами культурно-политической мобилизации).

Впрочем, следует помнить, что слово «групповщина» — это советский политически окрашенный ярлык, за которым не стояло социологически отрефлексированного референта. «Групповщиной» могли называть и формирование относительно независимых культурных сообществ, с которыми не удавалось справиться начальству, и деятельность дружеской компании, не ставящей никаких творческих задач, и даже временные тактические союзы людей разных взглядов, направленные на однократное решение сложной проблемы, — как это было, например, в 1954 году, когда очень разные по стилю и воззрениям литераторы «забаллотировали» Всеволода Кочетова, проголосовав против его избрания в правление Ленинградского отделения Союза советских писателей. Для дальнейшего методологического «наведения на резкость» тут будет продуктивно использовать концепцию Бруно Латура, который писал: «Группообразование оставляет гораздо больше следов, чем уже стабилизированные связи, которые по определению могут оставаться безмолвными и невидимыми. <...> Выход в том, чтобы заменить перечень групп, образующих социальные агрегаты... перечнем *элементов*, постоянно присутствующих в разногласиях

2 См., например, обвинения в «групповщине» в адрес друзей и соратников художника Льва Бруни, большей частью выходцев из ВХУТЕМАСа — ВХУТЕИНа, работавших в его монументальной мастерской: [Сарабянов 2009: 130, 131, 138, 141].

по поводу групп» [Латур 2014: 47]³. Изучение подобного рода следов (а мы, надеемся, и начали такую работу) может вывести нас на группы — уже в социологическом смысле — разной степени «проявленности»: и не вполне оформленные, и недолговременные, и не привязанные ни к каким институциям, и гетерогенные, то есть включающие в себя не только писателей и критиков.

С мыслью Е. Добренко о том, что «позднесоветские практики (брежневской эпохи) отличаются от оттепельных разве что большей укорененностью, рутинизацией», и что в целом «оттепель породила важнейшие темы застоя», мы согласны только частично. Действительно, темы и проблематика легальной литературы 1970-х начали формироваться еще в 1950-е: например, один из столпов «секретарской литературы» брежневского времени Анатолий Иванов опубликовал свой первый роман «Повитель» в 1958 году, и его «шолоховообразная» поэтика уже очень близка к поэтике главных опусов Иванова — «Тени исчезают в полдень» (1963) и «Вечный зов» (1970–1976), телесериалы по которым составляли привычный фон повседневного существования советских граждан в брежневские времена⁴. И все же различие между двумя эпохами есть: в отличие от оттепели, в период «длинных 1970-х» никто в подцензурной литературе не предполагал возможным существенное изменение «правил игры».

Необходимость подлаживаться к идеологическим требованиям (притом что официальная идеология к тому времени представляла собой гетерогенный «микс» из рутинизированного марксизма-ленинизма и русского национализма) в 1970-е годы стала для советских писателей «слоном в комнате» — обстоятельством, оказывающим решающее влияние на жизнь всех участников событий и в то же время не обсуждаемым. Тем не менее почти всех советских писателей, и «почвенников», и «либералов», насколько можно судить по дневникам и другим эго-документам, объединяло чувство ненормальности происходящего, постоянное и привычное, но от этого не становившееся более комфортным. Именно поэтому вопрос Анны Разуваловой — «существовал ли в культурном воображении (конфликтовавших сообществ «почвенников» и «либералов». — *Авт.*) образ «нормального» устройства литературы?» — хотя и абсолютно легитимен, но, возможно, не имеет ответа: у конкретных советских писателей 1970-х мог быть в сознании образ более «правильного» лично для них устройства литературы, но многие из них, насколько можно судить, вообще не представляли себе возможности радикально иной литературной жизни, чем то, что им было известно по опыту⁵.

Нам представляется очень важной мысль А. Разуваловой о разнообразии практик бэкстейджей и их участников и о различиях в «проблематизации пра-

3 Здесь следует оговорить, что Латур включает в группы не только людей, но и «не-человеческих акторов». Возможность включения в советские литературные сообщества такого рода акторов — например, писательских поселков Переделкино или Комарово — заслуживает отдельного обсуждения.

4 О значении «секретарской прозы» и снятых по ней сериалов для структурирования исторического воображения позднесоветской аудитории еще в пору их успеха, в 1979 году, писал Лев Гудков: [Гудков 2020].

5 Характерно, что в романе Василия Аксенова «Остров Крым» (1979), где описана «альтернативная» свободная Россия, несколько раз упоминается пресса этой страны, напоминающая американскую, но вообще отсутствует изображение литературной жизни вымышленного Аксеновым общества.

вил в разных сообществах и группах». Безусловно, это разнообразие необходимо изучать, но такая работа потребует предварительных и, скорее всего, довольно сложных источниковедческих разысканий.

На основании наблюдений А. Разуваловой можно предположить, что писатели, осознанно стремившиеся к позиции «идеального исполнителя», могли быть очень требовательными к другим по части соблюдения советских литературных правил. Косвенным доказательством можно считать тот факт, что упомянутый в реплике А. Разуваловой Виктор Астафьев, при подготовке дебютной книги весьма озабоченный своей «правильностью», уже через несколько лет после этого напечатал в пермской газете резкую статью «Это не делает нам чести», наполненную стилистическими придирадками к своему молодому коллеге, — с позиции автора, уже вполне овладевшего литературными нормами. Агрессивный пуризм Астафьева вызвал тогда отповедь даже в столичной прессе — от известного критика Зиновия Паперного [Паперный 1963].

Вообще, по-видимому, насколько можно судить по источникам, необходимость договариваться в ситуации очень узкого набора возможностей приводила к искусственному сужению кругозора, «окаменению шеи» участников позднесоветской литературной и в целом культурной жизни. Распространенное в постсоветской русской культуре неумение и нежелание интересоваться другими культурами, которое в нынешних дискуссиях связывают с «имперством», может иметь одной из причин именно эту привычку к ограниченности выбора несколькими ясно видимыми, близко лежащими вариантами. Мы не пытаемся оправдать такие взгляды или «нормализовать» их. Кроме того, конечно, традиция «советской имперскости» тоже имеет большое значение для современной российской культуры. Скорее, мы предлагаем для этого неумения и нежелания более комплексное объяснение, чем предлагалось прежде.

Игорь Нарский советует рассматривать бэкстейджи «не с эссенциалистской позиции, как фрагмент «объективной действительности», а из конструктивистской перспективы, как исследовательский инструмент». Соглашаясь с его позицией методологически, мы все же полагаем выделение этого «инструмента» не вполне произвольным: мы натолкнулись на бэкстейджи, сравнивая известные нам случаи литературной «кулуарной» коммуникации, а потом уже обратили внимание на значимость концептуальной схемы Ирвинга Гофмана для объяснения обнаруженного нами феномена. Мы занимались в нашем исследовании прежде всего литераторами⁶, и мы можем только надеяться, что в дальнейшем сможем проследить пределы применимости концепта бэкстейджей и вариативность такого рода эпизодов не только в зависимости от конкретного сообщества (мысль А. Разуваловой), но и от вида искусства и от сферы социальной жизни, в которых были необходимыми подобные неформальные договоренности.

И. Нарский ставит в своем отзыве важную проблему — в чем были похожи и в чем непохожи советские бэкстейджи на «поломки коммуникации» и закулисные договоренности в других обществах, в том числе в открытых, как современное германское. Мы позволим себе дать предварительный ответ, но сразу вынуждены оговорить, что он эскизный и требует дальнейшего уточнения. Безусловно, среди открытых обществ есть такие, которые основаны на це-

6 Среди наших информантов были люди, участвовавшие в литературном и театральном процессе.

лом ряде неформальных правил, которые заранее неизвестны «чужакам»; известный по литературе пример — британское общество. Главное отличие советского социума от всех примеров открытых обществ состояло в том, что он последовательно выдавал себя за то, чем он не являлся⁷. Это несовпадение приводило к постоянному и ощутимому напряжению между «сценой» и «закулисем». Именно сохранение этого напряжения структурировало коммуникацию в советском обществе. Наследие этой советской коммуникации, деятельность «системных либералов» в политике и в культуре, продлило жизнь бэкстейджей до 2022 года.

Ни в одном из открытых обществ необходимость «кулуарной коммуникации» не требовалось принимать по принципу «все или ничего». Кроме того, ни в одном из таких обществ в XX веке несоблюдение неписаных норм не приводило к настолько последовательной маргинализации субъекта, как это было в СССР.

Советские ритуалы были основаны на идеологических и этических критериях, в которые к 1970-м годам уже мало кто верил и которые были довольно пластичными. Эта особенность советского общества дает основания для ответа на замечания Александра Дмитриева. И. Гофман строил свою концепцию как универсальную — для нас же важнее всего такие ситуации и эпизоды, для которых является конститутивным постоянное *напряжение* между «сценой» и «закулисем», вызванное не только необходимостью для участников ситуации разыгрывать спектакль на публике, но и неопределенностью правил и возможностью их изменить в каждом конкретном случае; об изменении правил «на ходу», насколько можно судить, И. Гофман не думал.

Отклики коллег на нашу статью показывают, что открытый и описанный нами феномен помогает иначе, чем прежде, посмотреть на многие эпизоды советской культурной и интеллектуальной истории. Мы согласны с мыслью Е. Добренко — сегодня необходимо создавать институциональную историю советской литературы, которая будет устроена иначе, чем сумма историй отдельных институций: надо попробовать понять на основе интервью и других документальных источников, как участники подцензурного литературного и редакционно-издательского процесса представляли возможности личного действия — то, что современные социологи называют «агенсу», — и как они связывали свои действия с агенсу других людей, в зависимости от их институциональной принадлежности.

---

7 Собственно, здесь мы опираемся на мысль советского историка-античника С.Л. Утченко, который, намекая в 1965 году на черты сходства между советским государством и правлением Октавиана Августа, писал: «Принципат Августа — едва ли не первый в истории пример режима, основанного на политическом лицемерии, да еще возведенном в принцип. Это — государственная система (с течением времени довольно четко сложившаяся и выраженная), которая совершенно сознательно и цинично выдавалась официальной пропагандой не за то, чем она была на самом деле» [Утченко 1965: 267–268].

Библиография / References

- [Гудков 2020] — Гудков Л. Социальный процесс и литературные образцы (1979) // Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. 2-е изд., доп. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 153—214.
- (Gudkov L. Sotsialnyy protsess i literaturnye obraztsy (1979) // Gudkov L., Dubin B. Literatura kak sotsial'nyy institut. 2nd ed., enl. Moscow, 2020. P. 153—214.)
- [Зорин 1998] — Зорин А.Л. От Галича к Пригову // Семидесятые как предмет истории русской культуры. М.; Венеция: Объединенное гуманитарное издательство, 1998. С. 153—166. (Россия/Russia. Вып. 1(9)).
- (Zorin A.L. Ot Galicha k Prigovu // Semidesyatye kak predmet istorii russkoy kul'tury. Moscow; Venice, 1998. P. 153—166. (Rossiya/Russia. Iss. 1(9)).)
- [Кукулин 2017] — Кукулин И. В тени завтрашнего дня. Сезон 2-й, серия 24-я // Ab Imperio. 2017. № 2. С. 225—255.
- (Kukulin I. V teni zavtrashnego dnya. Sezon 2-y, seriya 24-ya // Ab Imperio. 2017. № 2. P. 225—255.)
- [Латур 2014] — Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- (Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory / Ed. by S. Gavrilenko. Moscow, 2014. — In Russ.)
- [Майофис 2016] — Майофис М.Л. Двухпартийная организация и двухпартийная литература?: Политическое воображение советских писателей и становление позднесоветской культурной парадигмы (конец 1956 — начало 1957 гг.) // Ab Imperio. 2016. № 3. С. 267—309.
- (Mayofis M.L. Dvukhpartijnaya organizatsiya i dvukhpartijnaya literatura?: Politicheskoe voobrazhenie sovetskikh pisateley i stanovlenie pozdnesovetskoy kul'turnoy paradigmy (konets 1956 — nachalo 1957 gg.) // Ab Imperio. 2016. № 3. P. 267—309.)
- [Паперный 1963] — Паперный З. Будучий лось, или Это не делает нам чести // Паперный З. Самое трудное: Статьи. М.: Советский писатель, 1963. С. 426—429.
- (Paperny Z. Buduchiy los', ili Eto ne delaet nam chesti // Paperny Z. Samoe trudnoe: Stat'i. Moscow, 1963. P. 426—429.)
- [Сарабьянов 2009] — Сарабьянов А. Жизнеописание художника Льва Бруни. М.: РА, 2009.
- (Sarab'yanov A. Zhizneopisanie khudozhnika L'va Bruni. Moscow, 2009.)
- [Спецсправка 1992] — Спецсправка секретно-политического отдела ГУТБ НКВД СССР о настроениях среди писателей. 09.01.1937 // De visu. 1992. № 0. С. 35—38 (<https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/58257> (дата обращения: 15.04.2022)).
- (Spetspravka sekretno-politicheskogo otdela GUGB NKVD SSSR o nastroeniyakh sredi pisateley. 09.01.1937 // De visu. 1992. № 0. P. 35—38 (<https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/58257> (accessed: 15.04.2022)).)
- [Утченко 1965] — Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М.: Наука, 1965.
- (Utchenko S.L. Krizis i padenie Rimskoy respubliki. Moscow, 1965.)